

СОСТЯЗАНИЕ

(О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО)

Как-то, беседа с ребятами в молодежном общежитии о поэзии революционных лет, я спросил, что они думают об отношениях между Сергеем Есениным и Владимиром Маяковским? И был немало огорчен легкой произнесенной фразой: «Да они же презирали друг друга». Стало обидно и за этих ребят, и за учителей, которые не смогли донести до впечатлительных сердец правду непростых взаимоотношений двух великих поэтов, испытывавших неподдельный интерес друг к другу.

Но откуда у парней это ошибочное представление? Может быть, под ним все же есть какое-то основание? К сожалению. Дело в том, что интерес поэтов друг к другу был не совсем обычный, равностный, и потому внешне их взаимоотношения проявлялись довольно своеобразно. Положение усугублялось еще и тем, что они входили в разные, едва ли не прямо противоположные поэтические группы, между которыми тоже шло нечто похожее на состязание. Порой эта принадлежность подталкивала к довольно резким личностным оценкам, хотя на самом деле поэты не ощущали внутренней неприязни друг к другу, о чем говорит уже первая встреча, которая состоялась в марте-июле 1916 года.

«В первый раз я его встретил в лаптях и в рубаше с какими-то вышивками крестиками... Он мне показался опереточным, бутафорским», — писал В. Маяковский в статье «Как делать стихи». Сам отдавший дань желтой кофте, Владимир Владимирович отнесся к необычному есенинскому наряду с открытой издевкой:

— Пари держу, что вы все эти лапти да петушки-гребешки бросите!

Но дело было не в наряде, конечно. Есенин успел уже до этой встречи отрицательно высказаться о футуризме, ярким пропагандистом которого был в ту пору Маяковский. Творческие позиции поэтов явно не совпадали. «Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны», — писал Маяковский. Вот это «нам, футуристам» в какой-то степени объясняет источник внешнего скептицизма в восприятии есенинских строк. Тут важно понять, что речь идет только о поэзии и поэтических программах.

Первая встреча предположительно состоялась на квартире Ф. Сологуба. С тех пор Маяковский пристально следил за развитием есенинского таланта, его постоянно волновала мысль, как направить

это развитие в нужное русло. И современники в своих воспоминаниях, и сам Маяковский не раз подтверждали это. Владимир Владимирович писал: «Я с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина: от имажинизма к ВАППу... Он с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой и оптимистический путь». И тут же: «В эту пору я встречался с Есениным несколько раз, встречи были эгегические, без малейших раздоров».

Характерная деталь: непосредственные отношения между поэтами были самыми доброжелательными, а пикировки случались в основном в стихах. Причем поэтические выпады отличались порой необъяснимой резкостью и остротой. В поэме «Юбилейное» Маяковский назвал Есенина «балалаечником». Иронический тон удивил Н. Вержбицкого, который был в дружеских отношениях с обоими поэтами. В августе 1924 года Владимир Владимирович приехал в Тифлис, где Н. Вержбицкий работал в ту пору. При встрече он спросил у Маяковского:

— Неужели вы в ссоре с Есениным?

— Нисколько!

На лице у Маяковского играла добродушная улыбка.

Случилось, что в то же время в Тифлис приехал С. Есенин. Н. Вержбицкий писал в своих воспоминаниях: «Владимир Владимирович встретил Есенина с большим и вполне искренним дружелюбием, крепко пожал ему руку». Поэты провели вместе несколько часов. Побывали в серной бане, поднимались на гору Давида, откуда открывался обширный вид на шумный Тбилиси. Много говорили об искусстве, литературе. Есенин коснулся «Юбилейного» и предложил послушать свое, только что написанное стихотворение «На Кавказе». Когда прозвучали строки о Маяковском, о том, что он, «главный штабс-малыар, поэт о пробках в Мосельпроме», Владимир Владимирович улыбнулся и тихо сказал:

— Квиты...

Но Есенин не успокоился. Продолжая разговор о «Юбилейном», он вздохнул:

— Да... что поделаешь, я действительно только на букву «Е». Судьба! Никуда не денешься из алфавита! Зато вам, Маяковский, удивительно повезло — всего две буквы отделяют вас от Пушкина...

И, сделав короткую паузу, неожиданно заключил:

— Всего две буквы! Но зато какие — «НО»!

«Раздался оглушительный хохот», — пишет Н. Вержбицкий. — Смеялся Маяковский. Он до того был доволен остротой, что не удержался, вскочил и обнял Есенина».

Нет сомнения, что поэтов влекло друг к другу. «Я знала, — пишет А. Миклашевская, с которой Сергей Александрович был очень дружен, — что Есенина все больше и больше тянет к Маяковскому, но что-то еще мешало им сблизиться». О явной симпатии Есенина к левовцам говорил и сам Маяковский. Он серьезно подумывал о том, как вырвать поэта из его сомнительного окружения. «Плотное я его встретил уже после революции у Горького, — вспоминал Владимир Владимирович. — Потом стали попадаться есенинские строки и стихи, которые не могли не нравиться, вроде: «Милый, милый, смешной дуралей... и т. д.

Небо — колокол, месяц — язык... и др».

Маяковский не без радости говорил о том, что Есенин «выбирался из идеализированной деревенщины». Но тут же искренне признавался: «Мы ругались с Есениным часто, кроя его, главным образом, за разросшийся вокруг него имажинизм». И снова четко просматривается линия: расхождения были прежде всего не между поэтами, а между школами, к которым они принадлежали. Не об этом ли говорит и замечание Владимира Владимировича: «В последнее время у Есенина появилась даже какая-то явная симпатия к нам (левовцам): он шел к Асееву, звонил по телефону мне...»?

Однако это было уже в последние годы жизни. А перед тем между футуристами и имажинистами случались настоящие поэтические и позиционные сражения. В оценках Маяковского особенно усердствовал В. Шершеневич и, конечно же, Владимир Владимирович не оставался в долгу. А поскольку он хорошо видел несоразмерность есенинского таланта с его окружением, то и нацеливал свой огонь на первую величину. Не зная особенностей групповой борьбы, трудно правильно разобраться и объективно оценить взаимоотношения великих поэтов.

И тут характерна такая деталь. В начале 1922 года по инициативе Маяковского была затеяна «чистка поэтов». Он же выступал в качестве прокурора искусств. Нелестные характеристики получили тогда не только Бальмонт, Горюхицкий, но и Брюсов. И тем ценнее слова Владимира Вла-

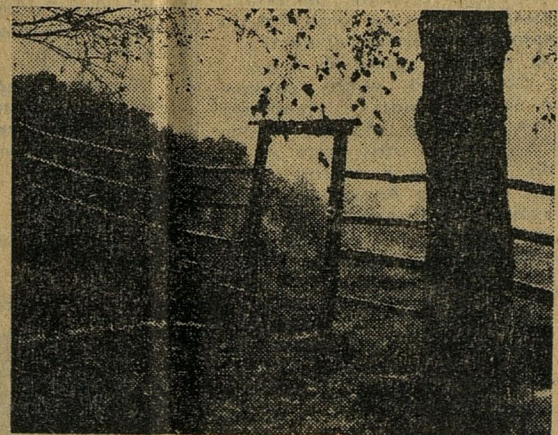
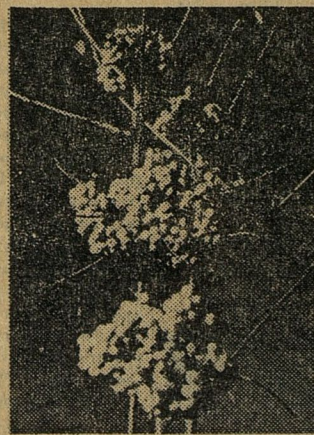
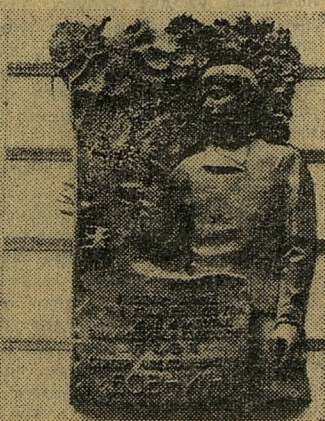
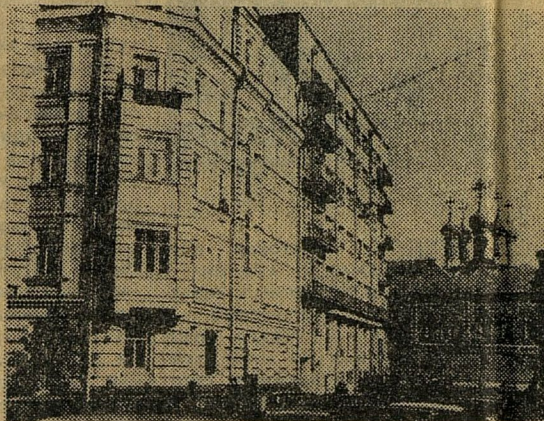
димировича о том, что «Есенину принадлежит первое место в поэзии, хотя он «представитель другой стихии». Любопытно, что Сергей Александрович присутствовал на этом вечере, несмотря на решение имажинистов бойкотировать «чистку».

Да, групповая борьба накладывала свои отпечатки на взаимоотношения поэтов. Но не только она определяла их характер. Здесь сталкивались традиция и новаторство, урбанистическое начало и крестьянское своеобразие, разное понимание сущности предназначения поэзии. Усиленные поиски Маяковским новых форм, обращение к Уитмену Есенин считал чуждым русской поэзии. Потому и появилась есенинская частушка, в которой Маяковский обвинялся в поэтическом «воровстве» уитменовских находок. Но все это опять же делалось задиром, с острым юмором, присущим поэтическим взаимоотношениям той сложной и бурной поры. А чисто человеческие отношения оставались вполне дружелюбными. Николай Асеев рассказывает своих воспоминаниях о том, как Маяковский пытался привлечь Есенина к сотрудничеству в «Лефе». Но содружества, к сожалению, не получилось, поскольку Сергей Александрович потребовал вхождения группой, на что Маяковский, полусмеясь, полусердась, возразил, что «это сниматься, оканчивая школу, хорошо группой». И тут же принялся убеждать Есенина бросить Орешников и Клычковых, которые явно мешали его творческому развитию.

Владимир Владимирович не скрывал, что высоко ценил Есенина, считая его «чертовски талантливым». Отсюда и желание повлиять на поэта, помочь ему. Отсюда и полные искренней горечи слова: «Боль утраты остро чувствовал. Я очень ценил Есенина, как талантливого человека». А вскоре появилось стихотворение, о котором Ю. Лебединский сказал, что оно «выскажется над всеми прочими стихами, посвященными памяти Есенина, как достойный памятник собрату».

Да, взгляды на жизнь, на задачи поэзии были у них далеко не одинаковыми. Но сила таланта, поэтическая честность и правдивость выдвинули их вперед, поставили, по сути, в один ряд. Конечно, нелегко им было увидеть то, что их сближало. Нам разглядеть это значительно легче — помогло время. И уже никого не удивляет, что рядом с озабоченным басом Маяковского звучит искренний и задушевный голос Есенина.

Е. ДУБРАВНЫЙ.

На снимках: много мест в Москве связано с творческой деятельностью С. А. Есенина. Памятник поэту на Есенинском бульваре; улица Москвина, 5. Здесь с 1918 по 1923 год жил и работал

Сергей Есенин; мемориальная доска на улице Москвина, 5; «...в саду горит огонь рябины красной»; берег Оки — реки поэта.

Фото В. СОБРОВИНА.